

В СЕРЕДИНЕ мая по делам службы в Лос-Анджелес отправился Валерий ЖАРОВ, в прошлом — продюсер группы «Класс» и студии «Рекорд», а ныне — глава новой фирмы, стремящейся сделать бизнес в России на продаже музыкальной аппаратуры из Америки. Он также продюсирует экс-солиста группы «Браво» Женю ОСИНА.

Поездка г-на Жарова в ЛА показалась «Звуковой дорожкой» прекрасной возможностью удовлетворить любопытство свое собственное, а также тысяч и тысяч читателей, до сих пор присылающих письма в «ЗД» с единственной просьбой — прояснить судьбу ЖАННЫ АГУЗАРОВОЙ.

ее не забыли, ее продолжают любить. Неожиданное и таинственное исчезновение год назад породило массу слухов и вместе с тем — скорбь и печаль. Нам не хватает ее песен, ее милой и безумной экстравагантности, ее ни с чем не сравнимого шарма «самой милой в мире бабы-ежки».

«ЗД» настоятельно попросила В. Жарова разыскать по возможности в Лос-Анджелесе Жанну Агузарову. Операция была проведена успешно. Жанна разыскалась в те самые дни, когда в ЛА бушевал разнужданный мятеж негров, полгорода горело, население было в ужасе, а весь мир в шоке...

Жанну нашли на ее работе — в русском ресторане «Черное море» около 9 часов вечера. Посетителей уже не было, ресторан закрывался, все спешили домой — подальше от греха. С ней договорились встретиться на следующий день в дневное (более безопасное) время в одном из итальянских баров на Сансет Бульваре...

Жанна приехала «на какой-то консервной банке темно-вишневого цвета». Это была ее машина: «старая американская рухлядь, купленная с десятых рук не более чем за полторы тысячи долларов», — как утверждает г-н Жаров.

Лично у него впечатления от встречи и разговора с Агузаровой остались «не очень радостные».

— Во всем чувствовалась какая-то безысходка. По-моему, дело у нее гиблое, имидж весь пропал, она как-то потускнела — и в одежде, и в поведении. И, мне кажется, что все, что она говорила (про кино, про замок и прочее), — все это, мягко говоря, бравада. Мне показалось даже, что она выглядела просто голодающим человеком. Худая донельзя. Ее третий размер уже превратился в первый. Хотя, может быть, это такая специальная диета? Не знаю...

ОНИ ПРОВЕЛИ вместе два часа. Во время беседы Жанна несколько раз меняла очки и косынки и после каждой смены аксессуаров призывала «пофотографироваться». Обстоятельства ее приезда в Лос-Анджелес так и остались тайной, покрытой мраком. После разговора они распрощались и больше не видели друг друга...

А сейчас — то, что осталось на магнитофонной пленке после этой слегка странной встречи на солнечном Сансет Бульваре в далеком Лос-Анджелесе...

Артур ГАСПАРЯН.

Москва, Комсомолка, — 1992. — 19 июня

ЖАННА АГУЗАРОВА НЕ СОБИРАЕТСЯ ПОКИДАТЬ «РОДНУЮ КАЛИФОРНИЮ» И РАЗДАЕТ АВТОГРАФЫ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Жанна: А кто сейчас у вас звезды?

Валерий: Их несколько сейчас...

Ж.: Я из мужчин имею в виду.

В.: Ну, из мужчин — Газманов...

Ж.: А-а, я знаю — у него мальчик маленький, да? Они сейчас вместе поют?

В.: Смотря когда... Ты лучше про себя расскажи.

Ж.: Про себя я расскажу немножко. Вот вы расскажите — интересно из первых рук все узнать. Я по машине вижу, что люди вы обеспеченные... Здесь благосостояние по машине определяется. Ужасно, конечно, но что сделаешь...

В.: Жанна, какие у тебя впечатления после десяти месяцев жизни в Лос-Анджелесе?

Ж.: Да у меня впечатления каждую минуту меняются — и в Америке, и в Париже, и в Москве. Везде. Это зависит от человека. Но в Америке прежде всего меняется психология. Для конкретного человека этот процесс проходит незаметно... Но на самом деле мне сейчас более интересна информация о Советском Союзе, или — как там это сейчас называется — СНГ, Россия? Вообще «Россия» на самом деле звучит как-то сиротливо. Все-таки замечательные республики были, их много было, чувствовала себя в такой большой стране. Приятно себя чувствовала... Я привыкла, когда говорят — «СССР». Сразу — такой объем, такая махина... Впрочем, на самом деле мне все равно. Я уже стала забывать, как районы в Москве называются...

В.: Видишь ли для себя здесь какие-нибудь перспективы?

Ж.: Перспективы самые что ни на есть лучшие. Вот... И я их для себя вижу. Мало того... Вообще, вы знаете, я не люблю очень много говорить, прежде чем что-либо не сделаю... Я бы хотела сказать моим поклонникам, которые до сих пор меня помнят, любят, — большое спасибо...

В.: Практически каждый из тех музыкантов, кто сюда приехал, что-то пытается сделать?

Ж.: Ха, а как же! Кстати, многие из тех ребят, кто сюда или в Европу приехал, намного талантливее здешних ребят, гораздо способнее.

В.: А язык?

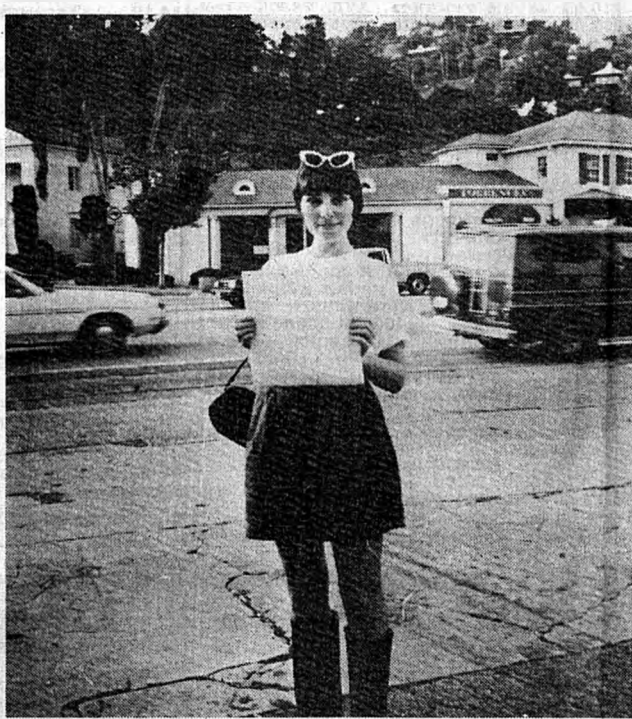
Ж.: Язык — это дело такое... У музыканта язык хороший слух, и если человек трудолюбив, то он при необходимости зазает, как на родном. Вот, кстати, парень из «Автографа» поет здесь на английском. Очень неплохо, чувственно поет. Чувственно...

В.: А ты сама не пробовала еще? Можешь, ты уже пишешь какой-нибудь альбом втихомолочку?

Ж.: Втихомолочку? Во-первых, втихомолочку я ничего никогда не делаю, но и эсбодой шумихи не люблю устраивать раньше времени... Я прошла здесь сквозь опзеделенный слой. Низкий довольно слой — для меня. Потому что я все-таки звезда, хоть и рашн. Но какие-то моменты вокруг меня мне понятны. Понимаете? Я не уду из-за долларов впадать в какой-нибудь овой андеграунд, где вообще еще и играть не умею. Мне предлагали в кино зниматься — довольно среднем для меня. Кино такое — советско-американское, конечно. Я отказалась. Но агенты работают,

Я вам могу сказать, что вначале — когда я сюда приехала по велеению сердца — я вообще решила со своей карьерой покончить. Впала в меланхолию. Вернее, в общем мне было не до песен — но моя душа всегда поет. Потом я немножечко заскучала, и меня пригласили работать в русский ресторан. Я с удовольствием туда пошла и делаю там свой перфоманс с большим удовольствием. Люди, которые там работают, полюбили меня всей душой. Ребята играют репертуар из группы «Браво» и из моих песен. Кроме того, я исполняю там песни из репертуара советских эстрадных певиц. Для меня это тоже довольно интересно. Допустим, песню «Школьная» я пою по-своему, или там «Желтые тюльпаны»... Многим певицам Советского Союза, думаю, будет, наверное, очень приятно, что я здесь пою их песни, а тем более — композитора. Здесь это, как говорится, хорошо идет, люди любят это. Новые эмигранты, которые приехали недавно, меня еще по Союзу знают, а те, которые здесь давно живут, меня тоже принимают, потому что я здесь уже как бы стала звездой в среде русской эмиграции. Ну не такой большой, как Любовь Успенская или Михаил Шуфутинский, но и не маленькой — скажем так. Люди приходят к нам в ресторан, слава Богу, бизнес идет...

Я очень люблю в нашем ресторане работать. Это классное место. Многие мои друзья, конечно же, удивились, когда узнали, что я в ресторане пою. Но для меня это такой интересный икспириэнс! Нечто абсолютно другое. Ведь я привыкла вы-

НА СНИМКЕ. Жанна Агузарова на улицах Лос-Анджелеса. Май 1992 г.

ступать на площадках, где тысячи людей, а на самом деле я певица такого плана... В общем я люблю, когда люди видят мои глаза близко, — я же большая артистка. И мне приятно... А то, что они кушают, это — нормально. Когда мы с «Браво» делали разные туры по Европе, там тоже это было принято в клубах — люди кушали, пили. И нормально! Нет такого, что я чувствую себя типа ущербной, обиженной, оттого, что они едят, когда я пою. Люди пришли сюда, чтобы получить максимальное удовольствие. Я бы даже не была против, если бы они покушали, попили и что-нибудь еще поделали. Я — за. Любили друг друга, например. Правда, там не приспособлено — нет отдельных кабинок...

В.: А как ты нашла нравы и порядки местных рок-музыкантов?

Ж.: Здесь будущие звезды лепят сэндвичи. Вот как бы я, например, здесь своими белыми ручками лепила сэндвичи?! Хотя, по большому счету, я бы в себе наверняка открыла и такие способности. Потому что я человек такой — не титан, конечно, но на кое-что способна...

А ребята, которые занимаются рок-музыкой, здесь лепят целый день сэндвичи, разливают кофе, работают официантами, а вечерами собираются на репетицию, оплачивают студию: пятнадцать—двадцать долларов в час. То есть такого простора и широты, как в Раше, здесь нет. Здесь это довольно сильно давит на людей, тех, кто еще внизу. Поэтому и музыка здесь на самом деле немножечко усталая такая, тяжелая. Понимаете — света мало, света. Удивительно!...

Я частенько хожу по клубам, смотрю и думаю: что происходит в Лос-Анджелесе? В Лос-Анджелесе на самом деле никакой жизни нет. Это — вообще деревня по сравнению с Москвой, между нами говоря. Я даже удивлена была некоторым временем. Понимаете?.. Но возможностей здесь... Ведь это — центр мировой рок-музыки.

В.: Жанна, а если тебе сейчас предложат работу какой-нибудь продюсер из России?

Ж.: Русский продюсер? В смысле?.. Я в Советском Союзе сама себе была продюсером, я сделала себе сольный альбом. Для чего мне русский продюсер?

В.: Чтобы заработать денег.

Ж.: У него что — денег будет больше, чем у меня? У советского-то!!

На самом деле, есть давно такие люди, они уже давно приглашают меня в СССР.

В.: Почему же ты не соглашавшись?

Ж.: Ну, потому что у меня есть кое-какие другие планы на жизнь... Я всем сердцем там, я туда стремлюсь, я там не была год, я очень хочу, и есть люди, которые могут все это инвестировать. Но я пока не в таком положении, чтобы, как мать Тереза, приехать и дать бесплатные концерты.

В.: Зачем бесплатные? Нынешняя конъюнктура могла бы запросто тебе обеспечить, как минимум, по две тысячи долларов за концерт.

Ж.: Ты имеешь в виду различные города — Москва, Ленинград, да?

В.: Не только! Вся страна. И Москва, и Петербург, и Красноярск...

Ж.: Ну, Красноярск после того, как мы туда приедем, просто обеднеет. Им придется все деньги выложить, которые у них там есть... Все алмазы просто будут вывезены, ха-ха-ха... Но дело — не в деньгах, дело — во времени. Ну, если у вас возникнут какие-то конкретные предложения, вы дайте знать. Я во всех случаях, как говорится, подумаю. Но в любом случае сейчас я вряд ли смогу оторваться от родной Калифорнии. Сорри!

В.: Родной?

Ж.: Родной! Да, она стала мне родной. Я люблю эту деревню. Это приятно. Я живу в горах, во-он там (показывает вдалеке пальцем. — Ред.), во дворце. Я прекрасно себя чувствую. Я просыпаюсь с пением птиц. Птицы поют, белочки бегают. Это здесь вот такая суэта, в городе, а там у нас — настоящий рай. Цветы цветут круглый год, красиво очень. Я очень хорошо себя чувствую... Я не знаю, как в Раше там. Там весна сейчас уже, да?

В.: Да, весна, то есть лето уже наступает...

Ж.: Солнце-то светит иногда или нет? Или в основном все сурово?

В.: Да нет, градусов 25, май уже...

Ж.: Выпускные экзамены... Ха-ха-ха, а я тоже в школу хожу, в Беверли Хиллс Школу хожу, английский изучаю. Хорошая учительница — бритиш. Я не люблю американский акцент. Меня тут мои друзья застыдили из-за того, что у меня такой американский язык простых улиц. Как же так?! Поэтому в школу хожу, язык выправляю. Мне нравится чисто английское произношение — зис из грэйт!

В.: Жанна, вот тебе листочек — напиши что-нибудь своим поклонникам в России.

Ж.: А как лучше писать — на русском или на английском?

В.: Ну, на русском, наверное, лучше.

Ж.: Может, имя написать по-английски? Я уже даю здесь на английском языке автографы в среде русской эмиграции...

В.: И крупными буквами напиши...

Ж.: И крупными буквами, да, чтобы это не заняло огромное количество плейс, потому что там, наверное, уже каждый кусочек в газете стоит гораздо дороже, чем раньше — да?

В.: Да. Самый такой маленький кусочек для рекламы стоит 25 тысяч рублей.

Ж.: О-оу! Как хорошо налажены дела. А Дмитрий Шавырин там до сих пор главный по музыке?

В.: Нет, самый главный сейчас Гаспарян.

Ж.: Артурчик — самый главный?! О-о-о! На самом деле «Звуковая дорожка» всегда относилась хорошо к нашему творчеству и всячески содействовала нам...

Спасибо всем,
кто любит, ждет и помнит
меня.
Жанна Агузарова
12 May 1992
California
Los Angeles
USA